

Приемный
покой

ЕЛЕНА ЛЕОНТЬЕВА
МАРИЯ ИЛИЗАРОВА

ПРО ПСИХОВ

**Мария Илизарова
Елена Леонтьева**
Про психов. Терапевтический роман
Серия «Приемный покой»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8226876

Про психов: Терапевтический роман / Леонтьева Е., Илизарова М.: АСТ; Москва; 2014

ISBN 978-5-17-083059-6

Аннотация

Роман «Про психов» встряхивает литературную традицию, по-новому высвечивает тему «Записок сумасшедшего» и «Палаты номер шесть». Новая словесность, проза двадцать первого века использует экспертное знание предмета наравне с его творческой трансформацией.

Настоящие психи – нормальные люди, попавшие в ненормальную ситуацию. Авторы, профессиональные ученые и врачеватели, показывают и персонажам, и нашему обществу путь к реальному излечению.

Владимир Новиков, критик.

Содержание

Часть первая	4
Лоре страшно	4
Начало	8
Учитель Костя Новиков	9
Один из них	17
Косулин идет на работу	24
Стив Джобс умер	31
Психолог и учитель	34
Психиатр паяц	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Елена Леонтьева, Мария Илизарова

Про психов: Терапевтический роман

Всем пережившим посвящается

Часть первая

Лоре страшно

7 ноября

Мама говорила, что главное в жизни – иметь план.

И держать все под контролем.

В шкафу еще остались подобранные ею комплекты одежды. Их хватит дня на три.

Мама умерла пятнадцать дней назад.

Недоброе утро. Часы тикают громче, чем вчера. С утра мне тревожно. Сегодня сильнее, чем обычно.

Я что, заснула на диване?

Нужно закончить работу и отослать ее в «Эпл». Потом я буду ждать письмо. Суть его не важна. Главное – оно будет подписано: «С уважением, Стив Джобс».

Как приятно думать, что Он сам подписывает адресованные мне письма. Я знаю, что это не так, но все-таки.

Надо встать, умыться, одеться, выпить кофе и доделать работу. Таков план. Последние годы план всегда один.

Почему мама покупала мне одежду, которую я терпеть не могу? Розовые кофточки, юбочки, каблуки. Мама надеялась, что я стану настоящей женщиной. Сама она ею никогда не была.

Звонок. По городскому.

Подходить? Кто это? Если мне и звонят, то на айфон. Ладно, отвечу.

– Да? Что вы хотите?

В трубке шуршит. Зловещее шуршание мне не нравится. Ответ на звонок – это нарушение плана? Обдумать не успеваю.

– Алло? Лорочка, деточка, это вы? Это Надежда Николаевна, помните меня? Я коллега вашей мамы.

– Здравствуйте, Надежда Николаевна. Вас я помню. Вы же с мамой на кафедре работаете?

– Деточка, как вы там? Такое горе, такое горе, такая потеря для всех нас.

Господи! Запричитала... Какой противный голос, не люблю я, когда плачут. Слабых не люблю.

– Деточка, может, вам нужна моя помощь? Ваша мама просила о вас позаботиться. Давайте я приеду? Покушать привезу, поговорим...

– Нет, спасибо, – отвечаю быстрее, чем положено.

В голове стучит: не дай ей помешать тебе. Какая чужая мысль.

– Нет, Надежда Николаевна, не надо приезжать. Вы же никогда не любили маму, завидовали ей, да?

Вешаю трубку. Разговор невыносим. Обрезаю телефонный провод. Вдруг она еще раз позвонит.

Умываюсь и не нахожу кофе. Надо заказать доставку продуктов. Не помню, когда я последний раз это делала. Почему-то нет связи. Проверяю, переподключаюсь – глухо. В магазин надо идти самой.

Надеваю все черное. Волосы убираю в пучок, как мама любит. Ей нравится, когда видно лицо. Она называет мое лицо благородным. И приписывает это себе как личное достижение.

Смотрю в зеркало – сегодня я должна быть особенной! Для Стива...

Распускаю волосы. Красиво! По-блядски. Но никто не раскритикует – мама-то умерла. Это плюс.

Прости меня, Господи! Какая жуткая мысль. Она не моя! Я никогда не хотела маминей смерти.

Бегу из дома. На улице лучше... Пока не вышла на проспект.

Машин много. Они едут слишком быстро и громко. Страшно: машины рычат, как огромные быстрые звери. Что за черт? Отменили все ограничения скорости? Хочу вернуться домой, но в холодильнике буддистская пустота. Я уже три дня ничего не ела. Не хочется. Но без кофе не смогу работать.

Пристраиваюсь к человеку в грязных ботинках. Сейчас он перейдет дорогу. И я с ним. Не дышу. Делаю шаг точно вместе с ним. Молодец, Лора!

Вот и магазин.

Какой странный дом... Он что – ненастоящий? Похож на киношную декорацию. Ни в одном окне не горит свет.

Я понимаю, что сейчас день, но в такую мрачную погоду хоть в одном окне должен гореть свет. С домом что-то неправильное происходит...

Всматриваюсь. И убеждаюсь в своей правоте! Провода везде, камеры... Раньше их точно не было. Я же не в маразме, я же помню. Куплю кофе – и бегом отсюда. Давай же, Лора, не бойся! Иду в магазин. В окружающее не вглядываюсь.

Возвращаюсь домой. Есть не хочется, пью героически добытый кофе с молоком. Пора работать. Стив ждет. Включаю компьютер. Всплывает фотография горящего самолета. Дымящиеся обломки фюзеляжа, почти целый нос. Хаос: спасатели и пожарники, размеченные разноцветные кусочки человеческой жизни. Я точно ее не загружала. Откуда она взялась?

Кто так шумит?

Соседи наверху двигают мебель, роняют что-то. Играют торжественно и бодро на фортепьяно. Неужели «Интернационал»?

Никто не даст нам избавленья:

Ни Бог, ни царь и ни герой.

Добьемся мы освобожденья

Своею собственной рукой.

Конечно, сегодня же седьмое ноября! И как это у них получается? Одновременно и играть, и двигать? Не буду обращать внимания, главное – не отвлекаться.

Не отвлекаться? Нет, это выше моих сил! Кипит мой разум возмущенный, я вам сейчас покажу: кто был никем, тот станет всем! Сволочи!!

Там живет какой-то дед. Может, внуки к нему приехали? Так громко! Сосредоточиться невозможно. Ругаются, голоса злые. Наверное, уже идут «на смертный бой». Фор-

тепьяно озверело. Дерутся, наверное. И еще аккомпанируют себе. Может, даже убивают друг друга?

И все это сопровождается «Интернационалом»:

Держава – гнет, закон лишь маска,
Налоги душат невтерпеж,
Никто богатым не указка,
И прав у бедных не найдешь.
Довольно государства, право,
Услышьте Равенства завет:
Отныне есть у нас лишь право,
Законов же у равных нет.

Как современно, боже мой! Кто же это поет? Не могу больше терпеть. Бегу наверх. Стучу долго, никто не открывает. Наконец за дверью слышатся медленные шаркающие шаги. У двери затихают. Кто-то стоит и смотрит на меня, как в микроскоп. Я не выдерживаю:

– Откройте!

– Что вам надо? – старческий возмущенный и напуганный голос.

– Откройте мне! Что у вас происходит? Вы мешаете мне работать! – пытаюсь говорить спокойнее. Нужно увидеть, что происходит в квартире. Меня не провести. Может, заманивали?

– Чего тебе надо? Я сплю. Совсем, что ли, спятила?

– Откройте или я вызову милицию!

– Ты Лора? Девочка Эльзы Александровны? Не здороваешься со мной никогда!

– Пожалуйста, откройте! – изображаю вежливость, как учила мама.

– Ну ладно... Только отойди от двери.

Замок щелкает, дверь осторожно приоткрылась. На пороге стоит седой помятый старик. Сонный и раздраженный.

– Ну и чего ты хочешь, Лора?

– Здравствуйте, с праздником вас... а где она?! Я слышала, как кричала женщина. И пела «Интернационал».

Пытаюсь заглянуть за плечо старика. Ничего не вижу, кроме хлама в коридоре. В квартире тихо и обморочно. Тревожно.

Старик старается скрыть, но он испуган.

– Пустите меня, я посмотрю.

– Иди домой. Нечего тебе у меня смотреть. Я «Интернационал» уже лет пятьдесят не пел. Совсем ты умом повредила...

Старик выталкивает меня на лестничную клетку. Дверь захлопнулась, лампа мигает и гаснет.

Жутко. Как днем перед магазином. Бегу вниз по лестнице. Уже около своей двери подворачиваю ногу и падаю.

Больно! Очень больно! В голове крутится мысль: «Дура! Дура! Не справилась, не справилась!» Страшно, хочется кричать, но кричать нельзя. Хватаюсь за ручку двери. Фуф! Наконец я дома, в безопасности.

Зачем выманивать меня из квартиры? Это знак? Только вот чего? Не понимаю.

Надо работать.

Два часа ночи. Ура! Все готово. Отсылаю файлы в «Эпл».

Спать не хочется. Надо сделать что-то. Может, убраться? Так грязно. Везде грязь. Почему мама не убирает?

Мама, когда плохо, дает мне феназепам. Где он? Высыпаю все из аптечки. Вот эти. Желтые. Выпью две для верности.

И обязательно помолюсь на ночь.

Начало

Мы – свидетели этой истории и хотим рассказать ее вам. Она началась, развивалась и закончилась в одной старейшей московской психиатрической больнице. Все, до последнего слова, в этой истории – чистая правда, как правда и то, что мы единокровные сестры. Итак...

Заканчивается год. В психиатрической больнице, как и везде, ждут праздников, суеются, готовят подарки. Мечтают, чтобы каникулы стали особенными и запомнились на весь следующий год.

В отделениях устраивают «огоньки», утренники и дискотеки. В клубе готовится большой концерт, администрация делит годовую премию. Радость, возбуждение и суета – работать не хочется. Но больничная жизнь идет своим чередом: больные поступают, лечатся и выписываются. Врачи приходят затемно на работу, проводят утренние пятиминутки, делают обходы, пишут истории болезни, медсестры раздают лекарства, пьют чай в сестринских и сплетничают...

Наш герой оказался в больнице двадцать шестого декабря, пройдя все этапы ритуала поступления.

Вообще-то в психиатрическую больницу не так-то просто попасть. Здесь чрезвычайно не любят посторонних. Обязательно надо сойти с ума, совершить то, что другие сочтут безумным, внушить окружающим сильное чувство беспокойства и ощущение полной потери контроля над ситуацией. Необходимо выделиться так, чтобы стало очевидно, что человек больше не относится к благословенной норме, а навсегда или временно покинул ее, перейдя в разряд необычных, неврастеников, больных, ненормальных, ку-ку, психов и шизиков.

Конечно же, нормальные люди гораздо опаснее. Именно они, по большей части, совершают преступления, обманывают, предают, воруют, убивают, берут взятки, издеваются над подчиненными, придумывают дурацкие правила, усложняющие жизнь. Парадоксально, но факт: все эти люди принадлежат к психической норме! Кто же такие психи? Чем можно заслужить это звание? Как во время, которое многие считают концом времен, в наше время, уставшее от разнообразия всего – от йогуртов до религий, – как понять, что ты покинул среднестатистические берега нормы и отчалил к неизвестному миру безумия?

Возможно, история, свидетелями которой мы являемся, ответит на эти вопросы, возможно, усложнит их и поставит новые. Важно, что она позволит разобраться в этом вопросе без риска: вы можете не сходить с ума, не проживать все эти страшные и удивительные события в одиночку. За ними можно подсмотреть – с нашей и с Божьей помощью. И ответить в конце концов на вопрос, нормальны ли вы сами, и если да, то на чем основывается ваша убежденность? Со своей стороны обещаем, что не утаим от вас все самое интересное, не оставим за кадром то, «о чем лучше не говорить». Однако постараемся сделать это деликатно.

Учитель Костя Новиков

25 декабря

Костя Новиков – учитель истории в престижной московской школе. Сегодня, двадцать пятого декабря, он возбужден и нервничает. Последнее время он постоянно нервничает. Его тревожит экономический кризис в Европе, неожиданная политическая активность в России. Но больше всего его волнует предстоящий школьный спектакль, ведь он его режиссер и вдохновитель. Костя не знает ничего прекраснее, чем древнегреческий театр. Он искренне убежден, что, лишь прожив на сцене любовь и страдание Эдипа, можно понять, как уцелеть в этом странном мире. Кроме того, обострившиеся политические взгляды требуют своего места.

Костя искренне верит в будущее Европы: «Если у них получится, – с надеждой и азартом убеждает он окружающих, – быть может, ход мировой истории изменится, и у нас у всех появится шанс!» Когда у Греции начались серьезные экономические проблемы, Костя очень переживал. Он боялся, что Грецию исключат из Евросоюза, и решил ее поддержать. Объявил год Греции в школе. За год ученики должны были поставить два спектакля: «Приключения хитроумного Одиссея» и «Любовь эллина». Сценарии спектаклей учитель писал сам. Сегодня должна состояться премьера.

Костя – хороший учитель. Неведомо как, но ему удастся безразличных ко всему школьников седьмого-восьмого классов увлечь театром и, что совсем уже удивительно, театром античным. Как у него получается, мы не знаем, однако нам он показался человеком, редко встречающимся в современной школе. Скорее, он напоминает учителей прошлого, того прошлого, когда к учителям относились с особым уважением, считали их людьми «с большой буквы», и сами они, еще свободные от жестоких неврозов ЕГЭ и ГИА, так себя чувствовали.

Костя, конечно, странный учитель истории. Вот один пример: во время зимних предвыборных митингов в Москве он собирался повести свои классы сначала на Болотную площадь, а потом и на Поклонную гору. Ученики никогда не видели его таким счастливым. Постоянно повторял, что история вышла на улицы, и как раз теперь, когда дети стали изучать общественное движение девятнадцатого века, они все увидят своими глазами. Кажется, он всерьез предполагал, что на свете нет ничего интереснее истории. Непонятно, чем бы все кончилось, если бы не вмешался директор.

Директор школы, Михаил Аркадьевич Ясень, относился к Косте с раздражением, с трудом слушал вроде бы логичные, но всегда удивительно неуместные предложения по улучшению жизни в школе. Ясень от учителя уставал. Не выдерживал, старался быстро закруглить разговор, отвечая на все стереотипным: «Идите уже работайте, работайте! Потом поймете, как тут все устроено!» Ему было наплевать, соответствуют ли школьные декорации атмосфере, которую Костя старался создать в спектакле. Гораздо важнее, чтобы к приезду комиссии у школы были «досуговые мероприятия».

Костины спектакли Ясень не понимал. Директор много раз предлагал поставить спектакль по мотивам русских сказок – «Снежную королеву» или «Золушку». На худой конец Чехова. Но Костя был неумолим. Когда Ясень начинал распинаться о пользе русской классики для детских душ, лицо Кости скучнело, и он с новой силой извергал на Ясеня свежие порции доказательств того, почему в современном школьном театре никак нельзя ставить «Конька-горбунка», а нужно только «Матрицу» или «Ночной Дозор». Что именно такого рода произведения и есть современная классика наравне с античными сюжетами.

Ясень от столь абсурдных утверждений багровел и, проникновенно смотря в окно, долго вещал о роли великой русской культуры в системе образования. Костя почти сразу переставал слушать, замороженный стремительным багровением Ясеня. Казалось, что директора вот-вот хватит удар. Для школьного театра Ясеню не нужна была столь эксцентричная репутация, но он ничего не мог поделать и каждый раз с тревогой ждал очередного представления. Он был бы рад избавиться от Кости, найдя ему спокойную замену в лице хорошенькой выпускницы педагогического вуза, но дети Костю любили, родители удивлялись, узнавая от детей про то, как Платон представлял себе государственное устройство. Именно после уроков истории дети производили на родителей не привычное впечатление варваров, которые не знают самых обыкновенных вещей, а в точности наоборот. Дети поражали родителей невиданной эрудицией и пониманием сквозных исторических процессов, в которых сами родители безнадежно запутались. Многочисленные комиссии ставили галочки. К тому же охотников в свободное время и совершенно бесплатно ставить школьные спектакли, кроме учителя истории, не находилось.

Ближе к премьере и к Новому году обстановка в школе незаметно для Кости неприятно изменилась.

До спектакля оставалось несколько часов, предстояла последняя репетиция и установка декораций. Декорации представляли собой скамьи, которые при правильном сложении превращались в кусок амфитеатра, повернутого лицом к зрительному залу. Работа сложная. Костя был полностью погружен в решение технических проблем безопасности амфитеатра и Леночку, секретаршу Ясеня, заметил не сразу. Леночка с презрением окинула сцену своими глазками-пуговками и, сделав максимально серьезное и не оставляющее человечеству шансов лицо, приказала учителю немедленно явиться к директору. Костя разозлился. Времени на внушения не оставалось, амфитеатр не давался, а к Ясеню всегда вызывали надолго. В досаде он помчался на вызов. Леночка конвоировала до самого кабинета, Косте даже казалось, что она боится побега. Костя вошел в кабинет с раздраженным выражением лица, чем немедленно взбесил Ясеня. В фантазиях директора учитель уже знал, что ему конец, и осталось лишь оформить этот конец заявлением об уходе по собственному желанию.

После того как в соседней школе учитель рисования оказался педофилом и разразился большой скандал, Ясень больше всего на свете боялся угрозы педофилии. Ему даже иногда снились кошмары, в которых и он, и завуч оказывались педофилами. После таких снов Ясень пару недель боялся уснуть. Но одно дело сны, другое реальность. Дело в том, что в школьных спектаклях участвовало подозрительно много мальчиков, которые, кроме двух-трех аутсайдеров, обычно избегают подобных мероприятий. В голове у Ясеня сложилось пренебрежительное подозрение. Доказательств – никаких. Опять же, у Кости Новикова имелась тетка из Минобразования, которая обеспечила ему протекцию в школе. Все было хуже некуда. И тут подвернулся повод.

Повод сидел, притулившись к директорскому столу, жертвенно сжав коленки и тиская в руках бумажный платочек. Мама Вовы Медведева. Лицо ее залито слезами, хвостик на макушке растрепался от сильных чувств. Выглядит отчаянно.

У Вовы Медведева довольно странная мама. Она постоянно тревожится за сына. С самого Вовино детства ее мучают мысли о том, что мальчика украли цыгане, что он провалился в канализационный люк, что его травят дети в школе всеми известными науке бактериями... Лет с десяти она регулярно искала у него наркотики, сверяясь с соответствующими пособиями. Список тревог никогда не заканчивался. Вова стыдился мамы, старательно скрывал ее от одноклассников и запрещал приходить в школу.

Когда Вове досталась роль златокудрого Эрота в спектакле «Любовь эллина», ее тревога приняла новое направление. Она поспешила к учителю и поинтересовалась, не вызовет ли эта роль насмешек над ее сыном, и вообще, почему, собственно, Эрот? Вове – четырна-

дцать, и он действительно златокудрый и вполне пубертатный юноша, но в маминых фантазиях мальчик еще не знает, зачем ему пенис, потому что рос без отца. Костя вначале обрадовался ее приходу, подумал взять ее в союзники, вместе помочь Вове развить явный артистический талант, прочел ей лекцию о роли эроса в современной культуре. Мама лекции не оценила. Ушла от учителя в смятенной задумчивости.

Она не спала несколько ночей, пила успокоительные, все не решаясь поговорить с сыном. А сына и дома-то не было: он пропадал на репетициях. В итоге отдельные факты сложились в ее голове в нечто ужасное: Вова в последнее время стал безобразно вести себя, участвует во всех школьных спектаклях, его все время нет дома. Иногда жертвы педофилов никому ничего не рассказывают, но поведение их меняется. Они становятся замкнутыми, грубыми, не идут на контакт с родителями – как раз все то, что происходит между ней и сыном.

Она взбивала всю ночь подушки, но так и не уснула. А утром засобиравшись к Ясеню. Долго стеснялась, не зная, как приступить, не решаясь полностью изложить развитие своих догадок директору. А когда начала, уже не могла остановиться и закончила речь тем, что, если учителя истории не уволят, она устроит грандиозный скандал. По несчастливому стечению обстоятельств, брат мамы Вовы Медведева – профессиональный телевизионный скандалист, и у нее просто не останется выхода, как уничтожить школу, учителя и Ясеня. Брат будет только рад модной теме.

Директор понял, что то, чего он боялся больше всего на свете, происходит прямо сейчас, в его кабинете. До пенсии оставалось всего четыре года, в следующем году ему обещали орден, а эта история может с легкостью разрушить всю его жизнь. Он с самого первого звонка женщины из Минобразования, женщины, которой не отказывают, профессионально предчувствовал, что с учителем будут проблемы. Если не принять меры. Немедленно. Он хорошо помнил, какая кампания развернулась вокруг соседней школы и как он, залезая бровями на лоб, скандировал на заседании в департаменте: «В моей школе такое просто невозможно, невозможно! Надо уметь работать с персоналом!» В той школе история с учителем-педофилом стоила места директору. Более того, директор оказался в изоляции, и школы ему больше не дали. Гниет где-нибудь завхозом.

Ясень хорошо знал такой тип мам, как мама Вовы Медведева. Ее невозможно успокоить, и она твердо решила сделать невыносимой жизнь своего сына, а заодно и его, Ясеня, жизнь. Директор понял, что решать проблему надо быстро – здесь и сейчас.

Злой Костя вошел в кабинет. Ясень завелся с пол-оборота и начал по обыкновению багрово орать:

– Что вы там затеяли?! Что это за спектакль такой, интересно?! Там везде разврат! И педофилы! И пидорасы! И лесбиянки! И вообще бог знает что!! – Он тряс сценарием неприлично близко от Костиного лица. – Это что такое вообще?! Вот это?! Вот:

Бросил шар свой пурпуровый
Златовласый Эрот в меня
И зовет позабавиться
С девой пестрообутой.
Но, смеется презрительно
Над седой головой моей,
Лесбиянка прекрасная...

Архилох в исполнении Ясеня звучал пошлым матерным стишком. Костя ничего не понимал, ведь сценарий был утвержден давным-давно, да и не интересовался Ясень им особенно.

На автомате Костя начал отвечать:

– Это Архилох – крупнейший представитель древнеионийской лирики...

– Вы мне тут оставьте эти свои... – Ясень задыхался, угрожающе меняя окрас. – Будете голову мальчишкам дурить! Ли-ри-ка у него! Теперь это лирикой называется, – обратился он к маме Вовы Медведева за поддержкой.

Костя переводил взгляд с мамы Вовы Медведева на Ясеня и обратно. Его стало покрывать чем-то нехорошим, непонятным и мерзким.

Ясень решил, что пора предъявить главное:

– Расскажите все, что вы мне только что рассказывали. Пусть он ответит!

– Всю эту ночь я не спала, – начала мама Вовы истерическим шепотом, не поднимая глаз, – и к утру до меня дошло: по телевизору все время показывают, но вообразить, что это у тебя под носом происходит, – невозможно!

В Костиной голове как будто расщепились два события: то, что через два часа начало спектакля, и то, что творится сейчас в кабинете у Ясеня. Он все еще не улавливал связи. Ясень не смог удержаться и влез:

– Мама Вовы Медведева поняла, – и голос его загремел: – **ЕЕ СЫН ПОДВЕРГАЕТСЯ ПРЕСТУПНЫМ СЕКСУАЛЬНЫМ ДОМОГАТЕЛЬСТВАМ!!!**

Сделав эффектную паузу, Ясень решил, что оглушенного Костю надо брать тепленьким, и перешел на официальный, не терпящий возражений тон:

– Думаю, тут все очевидно. Мы все это видели не раз. Пишите заявление.

– При чем тут я?! – растерялся Костя.

И тут до него наконец-то дошел смысл сказанного. Внутри наступила сухая тишина, как всегда, когда вокруг происходило что-то непереносимое и абсурдное. «Они. Обвиняют. Меня. В педофилии. В том, что я приставал к Вове Медведеву. Они обвиняют в этом меня! Какой бред...»

Он смотрел на гневное и презрительное лицо Ясеня, смотрел на трепещущие влажные ресницы и горькую улыбку мамы Вовы Медведева и не мог вдохнуть. Мир остановился. Мысли рассыпались, в голове опустело. Через какое-то время лицо Ясеня, который кричал непонятные, мерзкие – до крови – оскорбительные вещи, заводясь все больше и больше от молчания учителя, исчезло. На его месте появилось лицо отца. Лицо отца, который с отвращением смотрел на Костю, в мамином платье изображающего Аллу Пугачеву, страстно поющую про миллион алых роз. Освобождающая ярость спасла Костю от болезненного видения. Убить Ясеня и маму Вовы Медведева показалось единственным и логичным выходом из странной и неправильной ситуации.

Костя, почти не замахиваясь, ударил Ясеня кулаком в лицо. Заметив на столе директора тяжелую и бессмысленную малахитовую чернильницу, схватил ее и замахнулся. Перед глазами встала картина: голова Ясеня разлетается на мелкие кровавые кусочки. Чуть не стошнило от видения и от изумленного лица директора, которого не били с детства. Ярость облегчила и исчезла, оставив безразличие, бессилие и усталость. Костя уронил чернильницу, сел за стол, по-ученически сложил руки, положил на них голову и тихонечко завыл.

Дальнейшие события он помнил плохо. Залитый кровью Ясень куда-то исчез, мама Вовы Медведева фальцетом голосила в коридоре, кто-то заходил и сразу уходил. Постепенно учитель перестал слышать и видеть. Очнулся уже в «обезьяннике».

Раньше Костя никогда в милиции не был. Не доводилось. Разве что паспорт получал. Стены буро-синие, сумрачно, пахнет бомжами, табаком. Рассматривая свои руки, он пытается понять, что произошло и как он тут оказался. Руки болят. «Я сделал... что?» – щупает память. Больно, страшно и стыдно. В голове пусто... Звать на помощь, плакать бессмысленно. Что происходит?! В коленках слабость, он приседает на корточки, не удерживается, падает. Холодно на полу, но сил подняться нет. Подтягивает коленки к подбородку, накрыв-

вает голову руками и зажмуривается. «Ничего, ничего, ничего не было, это не я, не я. Меня здесь нет». Говорить не получается. Только убаюкиваться в трансе.

– Новиков, е...ть! – Раздраженный мужской голос сливается с гудением лампы дневного света. – Тебе, бля, особое приглашение нужно? Вставай, на выход!

– Который час? – Голос не слушается.

– Поднимайся, шизо чертово! – приглашает конвоир.

Костя встает, тело затекло, голова кружится. «Я как пьяный, а ведь не пил». Идут долго, окружающая обстановка напоминает о школе. Стенды с фотографиями... Больно озаляет: школа! Боже! Мне же надо в школу, у нас же сегодня спектакль! Ну точно! Декорации уже готовы! Или нет? Мы делали их когда... когда что? Кто-то пришел. Леночка. Точно. Леночка... секретарша Ясеня пришла. Такой вид у нее был... Сочувственный и злорадный одновременно. Ладно, бог с ней. Мне надо в школу. Срочно! Сколько же времени прошло?

– Простите, мне надо в школу! Мне надо идти! – Костя оборачивается к конвоиру. Старается, чтобы в голосе звучала твердая очевидность, а не пьяная просьба. Выходит жалко.

Конвоир Костю игнорирует.

«Нет, он не понимает как это важно! Если я не приду... а что будет-то? Будет что-то нехорошее. Надо вернуться. Что же делать?» Впереди светится надпись «выход». Костя, как будто вправе, заворачивает к выходу. Тут же получает вместе с «сукой» удар под коленки. «Идиот я, куда убежишь-то тут, надо все объяснить по-человечески, тогда и сами отпустят». Прихрамывая, Костя покорно плетется, куда ему указывают.

В кабинете усталый молодой следователь сидит над бланком допроса.

«Я что же, в тюрьме? Ну точно, в тюрьме! Что же я сделал? Убил кого-то?!»

– Имя, фамилия, отчество. Ваши. Назовите.

– Константин.

– Фамилия?

– Мне надо на работу. – Может, хоть этот поймет. – Вовка меня ждет, мы же с ним роль прогнать должны.

– На работе вы сегодня уже были, – ласково шутит дознаватель, продолжая что-то писать.

«Нет, и этот не поймет: глаза равнодушные. Он уже все про меня заранее знает. Как будто я преступник. Я для него – никто. Я пропал».

В комнату входят двое в медицинской форме. Здоровые мужики, румяные с мороза. Занимают собой сразу все пространство. Они недолго и непонятно говорят со следователем. Костя не слушает. Ему сложно сосредоточиться, как будто они говорят на иностранном языке, знакомом, но требующем огромных усилий для понимания.

– Вам нужна помощь, подпишите бумагу о добровольной госпитализации, вот здесь. – Палец ткнулся в место под текстом.

– Не буду. Я должен идти на работу.

– Отказываетесь подписывать? – В голосе медицинского работника появляется напряжение и угроза.

На вопросы Костя решает больше не отвечать. «Тут никто не будет меня слушать. Им наплевать, как все было на самом деле, я могу говорить что угодно».

Реальность становится похожа на дурную бесконечность. Теперь уже мужики в медицинской форме хватают, связывают руки жгутом, тащат. Они не пробуют договориться с Костей, не объясняют, куда собираются его отвезти. Он дергается, пытается вырваться. Бесполезно.

У дверей полиции стоит карета «скорой помощи». Костю заталкивают внутрь, кладут лицом вниз на кушетку, придерживают за связанные руки. Пояс на штанах впивается в живот, щека прилипает к пахнущей дезинфекцией синей простыне. Холодно. Двери «ско-

рой» захлопываются, машина трогается. Санитары больше не обращают на Костю внимания. «Такое чувство, что меня здесь нет, я не имею значения. Как это все может быть так обыденно? Так обыкновенно». «Скорая» едет долго, вязнет в московских предновогодних пробках. Есть время, чтобы разобраться, что происходит. Почему он, Костя Новиков, учитель истории старших классов престижной московской школы, лежит лицом вниз со связанными руками в «скорой»?

Костя прикрывает глаза и начинает восстанавливать события дня.

«Я пришел на работу, зашел в учительскую за текстом пьесы. Училки соблазнили корпоративным Новым годом. Ниночка “божественный холодец” предлагала, салаттики. Отказаться было неудобно, но и идти я не собирался. Школьный охранник из мужской солидарности нашептал, что училки спорили до хрипоты (и кажется, даже на деньги), педик я или нет. Бабье! Если я не лезу к ним, значит, со мной что-то не так. Да рядом с ними любой мужчина – дичь, добыча без шансов на спасение».

«Скорая» резко затормозила, Костя съехал вперед вместе со скользкой простыней. Санитар тянет его за ноги и элегантно движением возвращает на место. Костя улыбается, вдруг на мгновение ощутив симпатию к человеку, который, не желая того, облегчил его страдания.

Костя вспомнил Вову Медведева. Тот не любил школу. И не шел на контакт. Вел себя вызывающе, прогуливал уроки. При этом учился хорошо, его работы интриговали своими наивными, но оригинальными выводами. Косте он напоминал его самого в детстве. Над Вовой так же смеялись из-за его мечтательности и нестандартности, обзывали пуделем. Мама не позволяла Воле состричь красивые золотые кудряшки. Когда Костя на уроке заговорил об идее последнего спектакля «Любовь эллина», Вова сидел, как всегда, с безучастным видом, рисовал рассеянно в тетради. Но, как только Костя начал рассказывать историю Архилоха, Вова вдруг включился. Что его зацепило – неизвестно. Возможно, то, что Архилох был сыном рабыни и аристократа (у Вовы папы не было, но ходили слухи, что он крупный политический деятель). Костя был очень рад обретению нового театрала, тем более что тот идеально подходил на лирические роли, которых мальчишки боялись. Вова оказался талантливым, ранимым и артистичным.

Учитель истории Вову Медведева вдохновлял: он не был похож на других, верил в то, что делал, и при этом зажигал всех вокруг своей верой. Потихоньку Вова в него влюбился с особенной юношеской страстью. Специально ездил на одном трамвае с Костей, хотя ему было в другую сторону. Стал читать античные тексты, осилил «Илиаду», часами сидел в Интернете, изучая древнегреческий театр. На репетициях сначала зажимался, но, когда рискнул сыграть по-настоящему – все обалдели. Издеваться над ним перестали, дали кличку «Звезда» и приняли в тусовку.

Тут в голове Кости возникли образы Вовиной мамы и Ясеня. Опять накатила ужас и стыд от невероятного обвинения. Захотелось умереть.

– Куда вы меня везете?

Санитар ничего не ответил. Костя и сам уже все понял. Как унижительно, как глупо... Абсурд. Костя злился, негодовал, кусал губы, прокручивая в памяти слова Ясеня, выражение праведного осуждения и презрения на лице.

«Он даже не разобрался, старый мудака. Просто решил уволить, думал, что еще и одолжение мне делает. Наверняка перед разговором со мной он готовился, пообедал в специальном директорском закутке в столовой, закрытом от глаз простых смертных занавесками с огромными клубничинами. Выпил компот, торжественно и особым тоном попросил Леночку пригласить к нему в кабинет Новикова Константина Юрьевича. Леночка прекрасно знала, что означает эта специальная официальная интонация. Что кому-то – конец. В ее задачу вхо-

дило передать эту интонацию дальше, желательно немного усилив для верности. Как же меня тошнит от всего этого бреда и как же я устал».

Казалось, что они никогда не доедут. Третье транспортное кольцо стояло намертво. Наконец приехали.

Санитары вытаскивают Костю из машины и, поддерживая за локти, заводят в здание приемного покоя больницы. Он не успевает оглядеться, замечает только толстую рыжую дворнягу. Больше не сопротивляется, что не мешает санитарам иногда дергать и тянуть его. Промелькнул странный зал с бутафорским камином, кто-то беззлобно ткнул Костю в бок, от чего он плюхнулся на стоящую у стены кушетку. Страшно и холодно, на ум приходят истории про секретные тюрьмы, пытки и ЦРУ. Он пытается собраться: хочется показать себя нормальным, здоровым человеком, просто сильно расстроенным. Связанные руки мешают выпрямиться.

– Возбужденного привезли, – говорит санитар.

– Давайте его, – откликается усталый мужской голос.

Костю заводят в кабинет дежурного врача. Это симпатичный рыжий доктор в белом, небрежно накинутом на плечи халате. Он усердно пишет, низко наклонившись над столом. Сидит как учитель, подумал Костя.

Дописав, врач поднимает глаза, осматривает Костю профессионально отстраненно, но вполне доброжелательно. Косте ужасно хочется рассказать все этому доктору, который выглядит по-домашнему уютно и не похож на палача.

– У вас тут тепло...

Врач молчит.

– А на улице похолодало, – начинает Костя светскую беседу.

– Присаживайтесь. – Доктор указывает Косте на стул. – Развяжите его, – командует он санитарам.

Костю развязывают. Руки затекли, повисли плетьюми и не шевелятся.

– Как вас зовут? – Доктор опять склонился над столом.

– А вас?

– Меня Олег Яковлевич.

– А меня Новиков Константин Юрьевич. – Костя чувствует, как ужасно устал. Руки болят, и хочется пить, а говорить – нет. Хочется, чтобы его уже оставили в покое.

– Год рождения? – Доктор спрашивает, особо не настаивая на подробных ответах.

Костя отвечает на вопросы односложно.

– Что произошло с вами, Константин Юрьевич? – осведомляется доктор в завершение беседы.

– Я ударил директора школы.

– За что же вы его ударили?

– Он меня оскорбил. – Краска прилила к лицу Кости, он опускает голову: смотреть на доктора сложно.

– Что же он вам такого сказал?

– Это вас не касается. – Костя вновь разозлился, но изо всех сил старается держать себя в руках. Эти американские горки – от ярости до стыда и бессилия, от апатии до страстного желания спасения и помощи – совершенно его измучили.

Доктор с любопытством и некоторым раздражением рассматривал нового пациента.

– Зря вы так, голубчик, – наконец говорит он, – но дело хозяйское. – И, решительно закончив писать, позвал санитаров.

Костю провели в смежную с кабинетом врача комнату и велели раздеваться. Он попытался было отказаться, но санитар тут же начал раздевать его сам. Дальше Костя уже не